

Экспериментальный мажор

Владимир Спиваков поздравил Моцарта В. А.

Афиши московских концертных залов демонстрируют беззаветную преданность Моцарту. Первым крупномасштабным концертом, посвященным 250-летию композитора, оказалось выступление Национального филармонического оркестра России под управлением Владимира Спивакова. Вместе с хором Академии хорового искусства и квартетом солистов из московских оперных трупп оркестр исполнил два самых известных духовных произведения Моцарта — Реквием и «Коронационную мессу». К многочисленной публике, пришедшей в Светлановский зал Дома музыки, присоединился СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Владимир Спиваков указал в Реквиеме Моцарта на стиль
ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

Выбор произведений для этого случая оспаривать затруднительно. Пускай даже абонемент, в рамках которого проходил концерт, и называется «Великие кантаты и оратории» — хотя что «Коронационная месса», что Реквием (то есть заупокойная месса) ни к кантатам, ни к ораториям не имеют никакого отношения. Тот самый моцартовский Реквием, название которого, можно сказать, для многих звучит едва ли не нарицательным обозначением скорбного, величавого и зловеще-таинственного произведения. Спасибо вольным или невольным мифографам, включая, разумеется, Пушкина. Скажешь «реквием Моцарта» — и сразу готов сюжетный

ряд: «черный человек», коварный Сальери, смерть, оставившая партитуру дописанной до хора «Lacrimosa dies illa».

И рядом — ликующая домажорная «Коронационная месса». Где в финальном номере — «Agnus Dei» — запросто использована мелодия арии Графини из «Свадьбы Фигаро», «Dove sono i bei momenti». О том, почему месса именно «Коронационная», правда, известно уже меньше: чаще всего принято думать, что Моцарт писал ее для праздника в честь коронавания чудотворного образа Богоматери в окрестностях Зальцбурга; но может быть, что мессу вследствие ее несомненной популярности использовали при насто-

ящей коронации Леопольда II или Франца II, после чего и возникло название.

Так или иначе, когда мы говорим о крупных моцартовских произведениях для хора, солистов и оркестра, трудно не назвать в первую очередь эти две мессы. Но точно так же трудно удержаться при их исполнении — да еще по поводу настолько громкой даты — от громоздкой, жирной патетики, обесмысливающей всю прозрачность моцартовского письма. Владимир Спиваков, судя по всему, решил попробовать отойти от принятого стандарта, что, пожалуй, было очевиднее всего на материале Реквиема. Публика, привыкшая в случае многих частей

моцартовского опуса к тяжеловесному, скорбно-медлительному оркестру и густой патетике хора, была даже удивлена, услышав динамичные темпы (в случае оффертория «Hostias et pceses» и вовсе почитай что стремительные) и явные старания оркестра изобразить прозрачность и гибкость звучания. Получалось не то чтобы всегда и уж точно не у всех: медные духовые были отчаянно неказисты, что в первую очередь относится к тромбонам.

Надо думать, что продемонстрированные дирижером замыслы интерпретации следует расценивать именно как попытку играть Моцарта «в стиле». Если так, то четыре солиста — Хи-

ла Герзмава, Мария Маркина, Дмитрий Корчак, Николай Диденко — тоже, видимо, старались нащупать адекватный стиль, что, конечно, весьма похвально, но не совсем понятно, отчего эксперименты должны были происходить именно на концертной сцене. Чудное сопрано Хиблы Герзмавы, например, периодически было и вовсе невозможно узнать — звучал голос певицы местами совсем без вибрата, но глухо и вдобавок с интонационными проблемами. Совсем без экспериментов обошелся разве что хор Академии хорового искусства. Что, впрочем, не помешало ему оставаться едва ли не самым эффективным участником вечера.

Реквием Моцарта - 2006 - 2 фев. - с. 22.